

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Июня 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11478.

Чайка.

Елисьевъ съ утра бродилъ по приморскому бульвару. Радовался, что пароходъ задержитъ его въ Одессѣ на цѣлыхъ два дня.

Новый городъ; все новое, незнакомое.

Елисьеву казалось, что онъ бросился въ теплую, прозрачную рѣку, и она несетъ его въ несказанные таинственные дали, тихо и бережно баюя.

Ещѣ на дняхъ былъ въ своемъ маленькомъ пыльномъ городишкѣ. Все такое надоѣдливое, скучное, видѣнное тысячи разъ. Зналъ всѣ дома, всѣ вывески, всѣ лица, даже выступы и порожки тротуаровъ, деревья, афишные тумбы, скамьи въ городскомъ саду и всѣ столики въ единственной кофейнѣ. И такимъ же скучными, обычными, каждодневными были работы, разговоры, встречи, мысли.

Вечеромъ одѣлъ пальто, долго шагалъ по бульвару, слушая бойкую музыку, затѣмъ занялъ столикъ у самого края террасы, пилъ пиво и любовался далью, — бархатно-черная съ красными, зелеными и голубыми огнями порта.

Сосѣдній столикъ заняла высокая стройная женщина. Она была въ изящномъ бѣломъ платьѣ и маленькой соломенной шляпѣ, украшенной мелкими фиолетовыми цветами. Вся она казалась какою то голубой, прозрачной и нѣжной. Тонкія изящныя руки красиво выступали изъ бѣлыхъ кружевъ ея рукавовъ.

„Одна? Вѣроятно, свиданіе, подумалъ Елисьевъ.

Но эта мысль была ему почему то непріятной. Хотѣлось, чтобы эта женщина оставалась одна. Она раздѣляетъ его одиночество, она радуетъ его глаза. Такое умное дополненіе къ этимъ бархатнымъ дѣлямъ и темному звѣздному небу.

Сосѣдка заказала ужинъ. У нея большиѳ немногія печальные глаза. Чувствуетъ, что она уже много пережила, но утомленія еще нѣтъ. Красивъ и свѣжъ какъ у дѣвушки, маленький алый ротъ. Золотистые волосы вьютъ около щекъ кокетливые завитки.

„Какъ она прекрасна,—думалъ Елисьевъ; моя милая незнакомка, вы совсѣмъ голубая. Я вамъ такъ благодаренъ. Вы словно обогащаете коротенький мигъ моей жизни".

И онъ, человѣкъ, столько лѣть сидѣвшій въ своей глуши, задавленный скучной работой, вдругъ почувствовалъ какую то мальчишескую радость. Боже мой, ему тридцать четыре года, но, вѣдь, онъ еще ничего не видѣлъ, ничего не знаетъ. Онъ почти не видѣлъ такихъ прекрасныхъ женщинъ, онъ не зналъ прекраснаго. Какой грѣхъ, какое преступленіе! Вѣдь, земля такъ богата, такъ удивительно разнообразна.

Женщина посмотрѣла на него долгимъ внимательнымъ взглядомъ. Онъ не былъ равнодушнымъ, но любопытнымъ. Также смотрѣла она и въ темную бархатную

Депутатъ Н. Н. Львовъ,
бывшій товарищъ секретаря
президіума, избранный младшимъ
товарищемъ предсѣда-
теля Гос. Думы.

Депутатъ В. А. Ржевскій,
избранный старшимъ товари-
щемъ секретаря Гос. Думы.

Членъ Государственного Совѣта,
егермейстеръ Высочайшаго Двора
В. Н. Мамантовъ,
назначенный главноуправляющимъ
канцеляріей Его Императорскаго
Величества по принятію прошений.

Графъ Тисса,
новый венгерский министръ-президентъ, замѣнивший ушедшаго
въ отставку Лукача.

Депутатъ
графъ Куэнъ-Хедервари.
раненый сабельными
ударами во время безпорядковъ въ венгер-
скомъ парламентѣ.

Новый турецкій великий визирь
Принцъ Саидъ-Халимъ,
занявший этотъ постъ послѣ убий-
ства Махмуда-Шеккетъ-паши.

далъ, откуда малахитовые цветы моря посыпали свое влажное, ночное благоуханіе. Казалось, все ее занимало, все интересовало, и иногда въ блескѣ ея волосъ и глазъ, въ немного чувственномъ выраженіи губъ, въ мягкихъ движеніяхъ рукъ, въ самой позѣ проскальзывала здоровая, беспокойная жизненность, пышное и откровенное цветеніе молодости, жажды къ жизни.

Елисьевъ невольно опустилъ глаза. Какъ онъ робокъ, какъ онъ придавленъ.

Сосѣдка расплатилась и поднялась. Пойти за ней? Полюбоваться еще немного еястройной фигурой?

Нѣтъ, онъ не могъ. Его точно прикрепили къ мѣсту. Вотъ она повернула на аллею, и скрылось во мракѣ ея голубатое платье.

Елисьевъ почувствовалъ острую тоску. Какъ странно! Сейчасъ онъ любилъ, ярче, чѣмъ когда либо въ жизни. Сейчасъ его глаза были въ такомъ восторгѣ, въ такомъ упоеніи, и вотъ—конецъ, прощеніе навсегда. Такъ гаснутъ самые чудесные миги.

Онъ закурилъ папиросу и грустно смотрѣлъ въ даль. Удивительно спутана жизнь. Надѣю работали какіе то злые идіоты. Всюду напѣпили лицемѣрные этикетки, всюду запрещенія.

Неужели не наступить такое время, когда люди будутъ свободно выражать свой восторгъ, благородно и открыто поклоняться всему красивому.

Елисьевъ не понималъ своего волненія. Все вдругъ стало тусклымъ, скучнымъ, неинтереснымъ. Отправился въ гостинницу, легъ спать, но заснуть долго не могъ.

Пароходъ отошелъ въ полдень. Майское солнце какъ то сразу смягчилось на морѣ; стало прохладно, и пассажиры уже не уходили подъ прикрытие тента.

Елисьевъ ходилъ по палубѣ, любуясь малахитовымъ цветомъ моря. Парусиновые стулья заняты. На крайнемъ бѣлая женская фигура. Покойная поза, мягко обрисованы платьемъ вытянутыя ноги.

Елисьевъ почти вздрогнулъ и остановился. Это она, его мимолетная прекрасная встрѣча. Какъ все странно и неожиданно! Онъ почувствовалъ волнующую радость, едва сдерживался, чтобы не разсмѣяться. Она не замѣтила его. Но позднѣе, за обѣдомъ, ихъ глаза встрѣтились. Елисьевъ замѣтилъ, что женщина улыбнулась. Вечеромъ онъ встрѣтилъ ее на палубѣ. Она прогуливалась, какъ и онъ. Ихъ глаза встрѣтились, и онъ чувствовалъ, что она смотритъ на него, какъ на знакомаго. Иногда ея губы вздрагивали будто отъ улыбки.

Онъ кусалъ губы, проклиналъ свою робость, находилъ тысячи поводовъ къ тому, чтобы заговорить, но не могъ и проходилъ мимо, до боли сжимая пальцы.

Благоуханіе ея духовъ, когда проходила, волновало какъ вечерній садъ, дремлющий подъ луннымъ светомъ. Хотѣлось опуститься предъ нею на колѣни, разказать все о своей боли, о своей

скучной жизни, услышать ея убъ-
шения, почувствовать на своемъ
лицѣ ея руки.

„Вотъ сейчасъ подойду. Все
узнаю. Откроется міръ незнакома-
го человека. Сейчасъ,—и не могу.

Каждая уходившая минута при-
носила боль, точно потерянная ра-
дость.

Эта пытка продолжалась два
чата. Наконецъ, голубая женщина
ушла. Когда она подошла къ ка-
томъ, на ея лицо упалъ свѣтъ.
Елисѣевъ ясно увидѣлъ, что она
посмотрѣла на него. Въ ея глазахъ
онъ прочелъ разочарованіе и укоръ.

Онъ заснулъ на палубѣ, въ
креплѣ, закутавшись пледомъ. Про-
снулся рано отъ рѣзкаго холода и
любовался голубыми чайками, ко-
торыя вились за пароходомъ, опи-
сывая мягкие, долгіе круги.

Откуда снѣ? Почему такъ жа-
лобно кричатъ? Какая то вѣчная
тоска и зовъ въ ихъ крикахъ. Низ-
ко осыпаются къ водѣ, точно го-
лубой снѣгъ, въ легкой позолотѣ
солнца. Птицы, которая постоянно
носятся въ одинокихъ простран-
ствахъ надъ моремъ. Птицы, ко-
торыя будятъ какую то уснувшую
тоску.

Елисѣевъ смотрѣлъ на нихъ,
и сердце его скжималось отъ то-
ски. Выросталъ большой строгій
упрекъ. „Такъ всегда, думалъ
онъ, вспоминая голубую женщи-
ну,—я терялъ все хорошее. Се-
годня по одной причинѣ, завтра
по другой. Иногда жизнь дарила
яркие намеки, бросала такие же
тайны, зовы, подобные зо-
вамъ этихъ птицъ. Но слушать и за-
бывать и уходить, и снова начи-
нался сѣрый, трижды проклятый
день“.

Остро прозвенѣлъ звонокъ къ
завтраку. Елисѣевъ выпилъ чаш-
ку кофе и рюмку коньяку; конь-
якъ онъ не пилъ никогда, но те-
перь чувствовалъ себя такъ хо-
лодно и неуютно. Выпилъ, какъ
лекарство, немного ободрился и
почти выбѣжалъ на палубу.

Она, эта странная голубая
женщина, сидѣла на кормѣ поч-
ти у самаго борта и смотрѣла
на воду. Иногда казалось, что
взлетающая серебряная пѣна
осыпается на ея ноги и легкое
блѣлое платье.

Когда увидаль ее, показалась
такой родной, такой необходимой,
точно всю жизнь думалъ только
о ней, мечталъ, искалъ только ее.

Елисѣевъ прямо зашагалъ къ
кормѣ, подошелъ къ женщинѣ и
заговорилъ.

Она посмотрѣла на него про-
сто и ясно, точно сама ждала
этого момента, знала, что онъ
наступитъ. Сѣ откровенностью, которая
ему самому казалась странной, онъ раз-
сказывалъ ей о своей жизни, о работѣ,
знакомыхъ и маленькомъ городкѣ.

Она вдругъ улыбнулась. Удивленіе
блеснуло въ ея глазахъ. Заговорила бы-
стро:

— Странно! Вы, свободный, достаточно
обеспеченный человѣкъ, и говорите о
жизни, которая прямо смущаетъ! Но какъ
же вы могли такъ жить? Книги, работа,
введеніе хозяйства, но это капельки, толь-

Выносъ гроба сотрудниками «Южного Края» изъ Благовѣщенской церкви.

Литія возлѣ «Южного Края».

ко капельки. Неужели васъ никогда не
тянуло въ даль, не хотѣлось познако-
миться съ міромъ, обогатиться безконеч-
ными случайностями?

— Я съ вами согласенъ. Я слушаю
васъ и чувствую себя бодрѣ.

Она улыбнулась:

— Знаете, я тоже наблюдала за вами
въ тотъ вечеръ на бульварѣ. Вы были
очень грустный. Вы смотрѣли на меня
почти радостно. Я это замѣтила сразу и
чувствовала, что вы хороший, хороший
человѣкъ, но вамъ нехватаетъ воздуха;

П. Миллера.

Снимки фотограф. „Южного Края“.

На кладбищѣ. Профессоръ В. И. Савва (X) произносить надгробную рѣчь.

Могила Д. П. Миллера.

вы мучаешься, ищете.. Вчера я была увѣ-
рена, что вы загорорите со мной, но...

Она размѣяла сѣ.

Они не отходили другъ отъ друга.
Теперь онъ зналъ многое о ней. Года
три тому назадъ она развелась съ му-
жемъ. Мелкий, скучный человѣкъ, который
совершилъ не понималъ ее. Собствен-
ные средства позволяли ей вести сво-
бодную, красивую жизнь. Зиму она про-
вела въ заграницей, а ранней весной

возвращается въ Россію. Живеть или въ
Крыму, или въ Батумѣ,—она такъ обожа-
етъ море. Въ Батумѣ у нея есть неболь-
шая дачка. Цѣльные часы она проводить
на морѣ въ своей моторной лодкѣ.

— Чайка, сказалъ Елисѣевъ и чув-
ствовалъ, что, несмотря на весь разго-
воръ, женщина остается для него такою
же странной непонятной.

— Вамъ не бываетъ скучно? спросилъ
онъ.—Всегда одна.

— Скучно? Нѣть. Мы для
себя самые лучшіе, самые
интересные собесѣдники. Толь-
ко надо съ собою получше
познакомиться.

Онадержанно размѣялась
и спросила:

— Вы тоже въ Батумѣ?

— Нѣть, въ Сочи. Тамъ у
меня какіе то родственники.
Думаю, уже ждутъ.

Она слегка нахмурилась:

— Опять будете зависѣть
отъ людей. Самы не соверша-
ни однѣ прогулки, ничего
не придумаете. А потомъ—род-
ственники.. Вообще, вы не
обидитесь,—это ужасные лю-
ди. Кто ихъ выдумалъ? Да-
ние, эти тети, дяди, и т. д.,
положительно отравляютъ
жизнь, вѣчно навязываютъ
свою истлѣвшую мудрость,
вѣчно шлѣаютъ недовольными
губами, вѣчно чому то учатъ.
Я давно со всѣми развязалась
и счастлива.

Говорили до самаго обѣда,
а послѣ, когда до Сочи оста-
валось всего часъ пути, уже
такъ ясно было видѣнъ бе-
регъ, Елисѣевъ началъ нер-
вничать, отвѣчалъ невпопадъ,
курилъ папиросу за папиро-
сой. „Какъ легко, думалъ
онъ, доплатить тугъ же на
пароходѣ шесть рублей, и по-
ѣду съ нею. Еще нѣсколько
часовъ. Но это такое сча-
стье. Наконецъ, тамъ жи-
вѣтъ она, а Сочи, ну зачѣмъ
они мнѣ? Да, доплачу и поѣду.
Я не смѣю потерять мою ра-
дость.

— Вы сходите здѣсь, ска-
зала она, и по выраженію ея
лица онъ понялъ, что она
разгадала его колебанія и
борьбу.

— Да, отвѣтилъ онъ тихо
и почувствовалъ стыдъ за
себя, не могъ поднять глаза.

Ея лицо было строгимъ и
печальнымъ.

Пароходъ замедлилъ ходъ.
Остановился, выпустилъ
хлопья чернаго дыма. Суета на
палубѣ.

— Прощайте, сказалъ Ели-
сѣевъ.—Не откажите мнѣ въ
одной просьбѣ. Скажите вашъ
адресъ. Я, навѣрное, буду въ
Батумѣ. Если позволите...

Женщина покачала голо-
вой:

— Адресъ. Нѣть, не нужно.

— Это жестоко.

— Я думаю иначе. Я про-
сто не хочу, чтобы вы
снова испытывали себя. Вы
не прїѣдете, я знаю. Я уже
понимаю это. Только лишнія
колебанія.

Не помня себя, онъ схватилъ ея руку,
крѣпко поцѣловалъ и бросился къ сход-
нямъ.

Да, да, она права.

Черезъ три недѣли Елисѣевъ получилъ
коротенькое письмо. Женщина писала:

— Я знала. Вы не прїѣхали. Вы бы на-
шли, меня всѣ здѣсь знаютъ. Но... Такіе,
какъ вы больше убиваѣтъ, чѣмъ творятъ.
Помню одно—мнѣ было искренне васъ
жаль, мнѣ хотѣлось васъ зажечь, сдѣ-

лать новымъ. Здѣсь надоѣло. Сегоднѧ уѣзжаю. На прощанье нѣсколько словъ, подумайте о нихъ:

Одинъ грѣхъ существуетъ—неизвѣданность. Все узнать, все постичь, но только красиво, чисто и смѣло.

Ваша чайка".

Елисѣевъ наклонилъ голову. Ему хотѣлось плакать.

Ал. Станкевичъ.

**

Хочу безумія... Хочу
нездѣшнихъ грезъ
Души больной, младен-
чески невинной,
Съ очами тихими, не
помнящими слезъ
И цѣпи опыта мучи-
тельной и длинной,
И пусть предъ мной
онъ преобразятъ весь
миръ,
Чтобъ въ сердцѣ не
было ни боли, ни
печали,
И не проклятия, а
пѣсни нѣжныхъ лиръ,
Хвалебныя, въ ушахъ
моихъ звучали.
Мнѣ гибель не страшна, но
радостна отъ нихъ,
Онъ погасять умъ, больную грудь
врачуя.
Давно беспомощность разсудка я
постигъ,
И, какъ спасенія, безумія хочу я.

Ѳ. М.

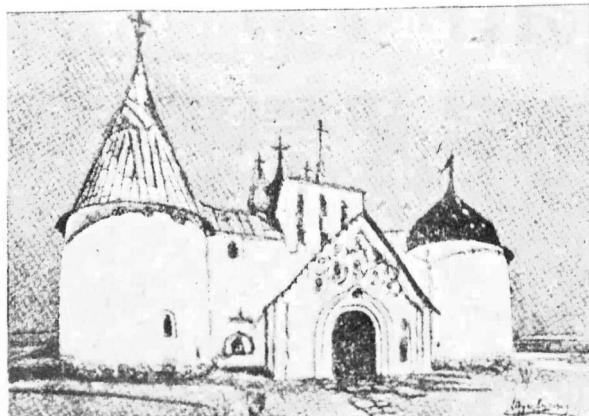

ПРОЩАНІЕ.

Вы сказали мнѣ: „жаль!“—
уронивши слезу
Въ кружевную платка паутину..
Вашихъ глазъ не забыть никогда
биюзъ,
Вашихъ глазъ такъ губительна
тина!

О, зачѣмъ ослезилась тѣхъ
глазъ бирюза!
Ваше „жаль!“ будетъ мнѣ
амулетомъ.
Какъ мнѣ дороги ваши улыбка,
спеза;
Я люблю васъ зимою и лѣтомъ...

Я люблю васъ въ батистѣ, люблю
въ соболяхъ
Въ платьѣ бальномъ, дразнящемъ
ажурью,
Всю хмельную весной въ василь-
ковыхъ поляхъ,
Всю плѣненную вѣшней лазурью...

16 іюня въ имѣніи гр. Ю. А. Олсуфьевъ, на
уѣстѣ Куликовскаго боя, состоялась за-
кладка храма въ память побѣды надъ
татарами.

Гигіническая выставка въ Петербургѣ.
Экспонатъ «Санитарные условия разселенія и водоснабженія деревни».

Новая Вознесенская церковь въ с. Тростянецъ, Ахтырскаго
уѣзда, устроенная извѣстнымъ благотворителемъ
Ю. Л. Кенигъ.

Иконостасъ сдѣланъ московскимъ художникомъ Шепелевымъ.
Всѣ иконы писаны художникомъ-преподавателемъ рисованій
харьковского реальнаго училища И. М. Москалевымъ. Общая
стоимость храма около 150 тыс.

Вы сказали мнѣ: „жаль!“ Но понять
не могу
Вашей жалобы... Гдѣ ей начало?
Жаль, что бѣгать нельзя вамъ зимой
на лугу?
И что осень весну укачала?

Изумруды березъ отдавать янтарю,
Жемчугъ лилии—астры рубину
Слезно жаль? Въ октябрѣ васъ ведутъ
къ алтарю.
Завтра вашу усадьбу покину.

А зимой, къ Рождеству, синевѣ вашихъ
глазъ
Зацвѣтѣтъ въ недоступной каретѣ...
Дайте знать мнѣ, что этотъ скатился
алмазъ
Обо мнѣ, вашемъ лѣтнемъ поэтѣ!

И уйду я увѣнчанъ,
уйду окрыленъ,
Завтра утромъ пришло
вамъ секстину.
Въ ней прославлю
волосъ вашихъ шелко-
вой ленъ,
Вашихъ глазъ бирю-
зовую тину.

И на станцію двинется
старый дормезъ.
Колыхаясь направо,
налѣво.
Будеть знать только
онъ, сколько муки увезъ
Трубадуръ. разлучась
съ королевой..

Н. С.

СМѢСЬ.

Филистимляне—обитатели Крита.

Этническое происхожденіе воин-
ственного племени, давшаго свое
имя Палестинѣ и много вѣковъ
сражавшагося съ израильтянами,
вызвало безконечные споры среди
ученыхъ. Наконецъ, были выстав-
лены двѣ гипотезы. По одной—
филистимляне вышли изъ Египта,
по другой—съ о. Крита. Важныя
раскопки, произведенныя англійской
экспедиціей въ береговыхъ частяхъ
Палестины, заставляютъ принять
вторую гипотезу. Глиняные череп-
ки, сосуды и другіе археологиче-
ския предметы служатъ доказатель-
ствомъ, что филистимляне были
обитателями Крита. Кстати, архео-
логи открыли развалины величаго
города, упоминаемаго въ Библіи,—
Бедшемеха. Онъ основанъ былъ
около 1,500 г. до Р. Хр.

